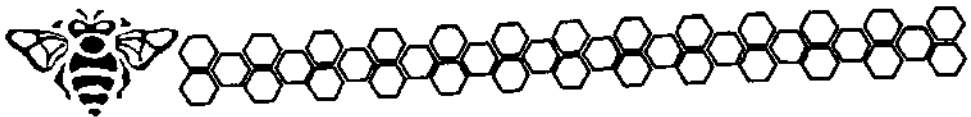

Василий Васильевич Калугин родился 7 ноября 1955 года в городе Костине (ныне Королёв) Московской области. В 1981 году закончил филологический факультет Московского Государственного университета имени М. В. Ломоносова. В 1987 году защитил кандидатскую диссертацию по древнерусской лексике книго-переплетного дела в Институте русского языка Академии наук СССР (научный руководитель – доктор филологических наук Л. П. Жуковская). Доцент с 1992 года. Член Союза писателей России с 1993 года. В 1998 году защитил докторскую диссертацию в Институте мировой литературы имени А. М. Горького Российской Академии наук (научный консультант — доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ В. В. Кусков). С 1997 года работает в Институте русского языка имени В. В. Виноградова Российской Академии наук. Настоящая книга представляет собой докторскую диссертацию В. В. Калугина.

STUDIA PHILOLOGICA

В. В. Калугин

**АНДРЕЙ КУРБСКИЙ
И ИВАН ГРОЗНЫЙ**

**(Теоретические взгляды
и литературная техника
древнерусского писателя)**

•ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ•

Москва 1998

ББК 83.3(2Рос=Рус)4
К 17

Исследования и издание осуществлены при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проекты 96-04-06154 и 98-04-16104

Ответственный редактор

д. филол. н., засл. проф. МГУ им. М. В. Ломоносова В. В. Кусков

Рецензенты:

д. филол. н. Л. И. Сазонова (ИМЛИ им. А. М. Горького РАН)
д. филол. н. Л. А. Янковская (Ин-т славянской филологии, Главынский ун-т)

Калугин В. В.

К 17

Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). – М.: «Языки русской культуры», 1998. – 416 с., 34 ил.

ISBN 5-7859-0055-6

Исследование посвящено одной из интереснейших страниц древнерусской культуры – литературной деятельности князя Андрея Курбского и царя Ивана Грозного. Их творчество впервые рассмотрено не только в историко-литературном, но и в теоретическом аспекте. В монографии на широком фоне литературного процесса XVI века с привлечением большого количества восточнославянских, латвийских, польских, немецких памятников рассмотрены опорные источниковедческие вопросы, показано развитие литературно-языковых концепций в Московской и Юго-Западной Руси, установлено, как эстетические идеалы писателей XVI века преломлялись в их творчестве, прослежены судьбы литературного наследия Курбского и Грозного. Результаты исследования существенно, а в отдельных случаях принципиально меняют сложившиеся представления о характере творчества писателей XVI века, литературном процессе того времени, о месте в этом процессе Курбского и Грозного.

На лицевой стороне обложки воспроизведен древнерусский портрет Ивана Грозного, хранящийся в Копенгагене; на тыльной стороне – Курба, родовая вотчина князей Курбских под Ярославлем (современное состояние).

ББК 83.3(2Рос=Рус)4

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.mak.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavie@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0055-6

9 785785 900554 >

© В. В. Калугин, 1998

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	9
Глава I. Спорные вопросы источников	17
«Сам по-русски писати неумею»: границы книжно-славянской культуры	17
Переписка со старцем Вассианом Муромцевым	23
Кружок Курбского в эмиграции	30
Агиографический свод в переводе Курбского	45
Словари в творчестве древнерусского писателя	57
«Литературный манифест»: второе письмо царю	64
Переписка с западнорусскими корреспондентами	71
Псевдо-Курбский	77
Выводы	90
Глава II. Теоретические взгляды и литературная позиция	92
Книжно-славянская традиция и «свободные искусства»	92
Теория литературного текста	106
Теория литературного перевода	112
Стилистические идеалы	119
Образцовый христианский ритор	128
Особенности эпистолярного жанра	135
Выводы	145
Глава III. Литературная техника	147
Красноречие и просторечие	147
Риторика Курбского	155
Историческая концепция Курбского	165
Приемы агиографии	182
Епископ Амвросий Медиоланский в творчестве Курбского	204
Книжная поэзия	210
«Широковещательное и многошумящее писание» Грозного	218
«Кусательный» стиль Грозного	225
Выводы	235
Глава IV. Литературные контакты	240
Возвращение в Россию	240
Языковая личность Курбского в восприятии московских книжников XVII–XVIII вв.	245
Переводы Курбского в изданиях Московского Печатного двора XVII в.	256
Курбский и Евфимий Чудовский	267
Литературная преемственность	272
Выводы	277
«Трудолюбивый рачитель священных писаний». (Заключение)	278

<i>Примечания</i>	280
<i>Приложения</i>	297
1. Состав и источники агиографического свода Курбского	299
2. «Энкомий Симеону Метафрасту» Михаила Пселла в латинском и книжно-славянском переводах	313
3. Словарь риторических терминов	329
4. Литовский проект грамоты Ивана IV «до рыцерства» с амнистией Курбскому	338
5. Герб Курбского	340
<i>Примечания</i>	346
<i>Сокращения</i>	351
<i>Архивные материалы</i>	351
<i>Опубликованные источники и литература</i>	357
<i>Книгохранилища</i>	377
<i>Издания</i>	378
<i>Специальные обозначения</i>	379
<i>Список иллюстраций</i>	380
<i>Указатель имен (составитель В. В. Калугин)</i>	383

Magnus profecto K[ur]pscius fuit, nam et sanguine magnus, si Ioanni Moschorum duci affinis, et officio magnus, si copiarum Moschoviae dux supremus, et virtute magnus si tantorum victor hostium, et fortuna magnus, si a rege Augusto exul et profugus magnifice suscipitur; et ingenio magnus, nam brevi tempore linguam Latinam ante sibi ignotam parvo intervallo proventus in annis in regno didicit.

Simon Okolski. Orbis Poloni. Cracoviae, 1641. T. 1. P. 504.

К[ур]бский был поистине великим человеком: во-первых, великим по своему происхождению, ибо был в свойстве с московским князем Иоанном; во-вторых, великим по должности, так как был высшим военачальником в Московии; в-третьих, великим по доблести, потому что одержал такое множество побед; в-четвертых, великим по своей счастливой судьбе: ведь его, изгнанника и беглеца, с такими почестями принял король Август. Он обладал и великим умом, ибо за короткое время, будучи уже в преклонных годах, выучил в королевстве латинский язык, с которым дотоле был незнаком.

Симон Окольский. Польский мир. Краков, 1641 г. Т. 1. С. 504.

ВВЕДЕНИЕ

Царю Ивану Грозному (25.VIII.1530 — 18.III.1584 г.) и его боярину князю Андрею Михайловичу Курбскому (1528 — между 6 и 24 мая 1583 г.)¹ посвящена обширная научная литература. О них писали начиная с историков XVIII в. В. Н. Татищева и М. М. Щербатова. Послания и дипломатические документы Ивана IV издавались еще в «Древней российской вивлиофике» Н. И. Новикова и в «Продолжении древней российской вивлиофики».

Основной корпус оригинальных произведений Курбского и Грозного был опубликован Н. Г. Устряловым (Устрялов 1868), Г. З. Кунцевичем (РИБ 31), Д. С. Лихачевым и Я. С. Лурье (ПИГ), Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыковым (ПГК). В 1934 г. В. А. Панов подготовил к изданию в современном переводе переписку царя и боярина, а также «Историю о великом князе Московском» Курбского. К сожалению, книге не было суждено увидеть свет, и она сохранилась в машинописи (Панов 1934)². Свод сочинений Курбского и Ивана IV на языке оригиналов и в переводе был опубликован коллективом исследователей — А. А. Алексеевым, Е. И. Ванеевой, Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыковым, О. В. Твороговым, А. А. Цехановичем — в серии «Памятники литературы Древней Руси» (ПЛДР 1986, 16—399, 567—617). В настоящее время книга подготовлена в дополненном виде к переизданию в одиннадцатом томе серии «Библиотека Древней Руси».

Наряду с обобщающими изданиями, велась работа по публикации отдельных памятников. А. Н. Попов (Попов 1878) и В. Туминс (Туминс 1971) выпустили в свет богословско-полемический «Ответ пастору Яну Роките» Ивана IV, Дж. Феннел — переписку Грозного с князем Андреем и «Историю о великом князе Московском» Курбского (Феннел 1955; он же 1965), архимандрит Леонид (Леонид 1886), Д. С. Лихачев (Лихачев 1986, 361—377), Н. С. Серегина (Серегина 1990, 69—80; она же 1994, 173, 196—198, 200, 232—238) — литургическую поэзию Ивана IV.

Изучение переводов Курбского и его сотрудников, начатое в работах А. С. Архангельского (Архангельский 1888; он же 1888а, 203—295), П. В. Владимирова (Владимиров 1897, 308—316), К. В. Харламповича (Харлампович 1900, 211—224), С. Д. Балухатого (Балухатый 1916, 109—122), Г. З. Кунцевича (Кунцевич 2. См.: Уваров 1972, 315—317), к сожалению, не стимулировало в отечественной науке интереса к изданию этих памятников. Это важное и перспективное направление было продолжено главным образом в трудах зарубежных славистов. В. Айсман опубликовал статью «О силлогизме» Иоганна Спангенберга (Айсман 1972), И. Ауэрбах — сборник «Новый Маргарит» (Курбский 1976—1990), Ю. Бестерс-Дилгер — «Богословие» Иоанна Дамаскина (Курбский 1995).

Литературное наследие князя Андрея и его противника существенно дополняют памятники деловой письменности. В книге Н. Д. Иванничева собраны важные источники о жизни Курбского в литовской эмиграции (Иваннишев 1, 2). Многие официальные документы Ивана IV опубликованы в «Сборниках императорского русского исторического общества» и «Памятниках дипломатических сношений древней России с державами иностранными» (см., например: СИРИО 59, 71, 129; ПДС 10). Далеко не все рукописные источники выявлены и изданы. Полная научная библиография сочинений царя и боярина представляет собой задачу будущих исследований.

О Курбском и Грозном писали специалисты самого разного профиля. Их жизнь и деятельность традиционно находится в сфере внимания историков. Из наиболее значительных исследований необходимо назвать работы В. О. Ключевского (Ключевский 2, 154–161, 176–187), А. Н. Ясинского (Ясинский 1889), Я. С. Лурье (Лурье 1958, 505–508; он же 1958а, 451–466; он же 1976, 202–234; он же 1977, 56–69; он же 1979, 204–218), С. О. Шмидта (Шмидт 1958, 256–265; он же 1968, 366–374; он же 1969, 163–166; он же 1976, 147–151; он же 1976а, 304–328), А. А. Зимина (Зимин 1962, 305–312; он же 1976а, 176–201), Р. Г. Скрынникова (Скрынников 1962, 99–116; он же 1973; он же 1977, 65–76; он же 1979, 219–227; он же 1985, 273–289; он же 1992), Дж. Феннела (Феннел 1975, 188–198), И. Ауэрбах (Ауэрбах 1969, 170–186; она же 1979, 166–171; она же 1985; она же 1987, 13–51), Ю. Д. Рыкова (Рыков 1971, 129–137; он же 1972; он же 1974, 328–350; он же 1976, 235–246; он же 1982, 193–198; он же 1997, 263–281), Б. Н. Морозова (Морозов 1987, 277–289; он же 1992, 41–45; он же 1994, 143–151; он же 1997, 475–494).

Большой вклад в разработку темы внесли литературоведческие разыскания И. Н. Жданова (Жданов 1, 81–170), Д. С. Лихачева (Лихачев 1975, 265–288, 333–348; ПГК 183–213; он же 1986, 361–377; он же 1987, 174–184), Я. С. Лурье (Лурье 1960, 123–126, 508–511; ИРБ 1970, 440–442, 445–449), Д. Фрайданка (Фрайданк 1970, 57–77; он же 1976, 319–333; он же 1988, 806–815), Дж. Феннела (Феннел 1974, 173–190), А. М. Панченко и Б. А. Успенского (Панченко 1976, 151–154; он же 1990, 413–421; Панченко, Успенский 1983, 54–78).

Творчество Курбского и Грозного послужило предметом лингвистических работ. В монографии Н. Дамерау рассмотрено польско-латинское и западнорусское влияние на язык Курбского (Дамерау 1963). Книга В. Н. Роговой посвящена словообразовательной системе старорусского языка на материале посланий Грозного (Рогова 1972). В исследовании Ю. Бестерс-Дилгер проанализирована переводческая техника князя Андрея (Бестерс-Дилгер 1992).

Сочинения Курбского и Грозного были рассмотрены с помощью математических методов ЭВМ (Саркисова 1994, 248–270; она же 1994а, 225–247). Несмотря на критику традиционных историко-филологиче-

ских приемов исследования, математический анализ не внес в данном случае ничего принципиально нового. Он только подтвердил в очередной раз подлинность их основных произведений.

В последние десятилетия по творчеству Курбского и Грозного были защищены диссертации. Из их числа следует отметить кандидатские исследования лингвиста М. В. Ляпон (Ляпон 1971), историков Ю. Д. Рыкова и С. А. Елисеева (Рыков 1972; Елисеев 1984), литературоведов К. А. Уварова и А. В. Каравашкина (Уваров 1973; Каравашкин 1991).

Еще в 1923 г. С. Ф. Платонов, предсказывая многолетнюю дискуссию, предупреждал: «Если бы нашелся ученый скептик, который начал бы утверждать, что все „сочинения“ Грозного подложны, с ним было бы трудно спорить. Пришлось бы прибегать ко внутренним доказательствам авторства Грозного, ибо документальным способом удостоверить его нельзя» (Платонов 1991, 7).

В 1971 г. вышла в свет книга профессора Гарвардского университета Эдварда Кинана «Апокриф о Курбском и Грозном: История составления в XVII в. „корреспонденции“, приписываемой князю А. М. Курбскому и царю Ивану IV». Затем последовали другие исследования на эту тему (Кинан 1975, 159–172; он же 1978, 131–161; он же 1993, 187–208). Э. Кинан пришел к заключению, что основные литературные произведения Грозного и Курбского являются мистификацией разных писателей, длившейся с 20-х гг. XVII в. и до конца столетия.

Гипотеза Э. Кинана вызвала острую полемику в научном мире и была аргументированно отвергнута подавляющим большинством исследователей (см.: Скрынников 1973; он же 1985, 273–289; он же 1992, 37–50, 65–67; Лихачев 1975, 333–348; Феннел 1975, 188–198). В настоящее время подлинность переписки Ивана IV и Курбского может считаться доказанной. Однако ряд поставленных в дискуссии вопросов до сих пор ждет своего решения.

Краткий историографический обзор не ставит своей целью дать библиографию всего написанного о Курбском и Грозном. Он включает в себя только наиболее значимые для нашей темы труды. Из библиографических работ о Курбском и Грозном наиболее полными являются статьи Н. П. Беляевой, Я. С. Лурье и О. Я. Роменской, А. И. Гладкого и А. А. Цехановича (Беляева 1984, 115–136; Лурье, Роменская 1988, 371–384, 519; Гладкий, Цеханович 1988, 494–503, 520. См. также: Ауэрбах 1985, 409–435).

Стать хрестоматийным еще не значит быть изученным. Знакомясь с библиографией, нетрудно заметить, что в ней преобладают исторические и источниковедческие труды. Общим местом многих работ стало обращение к идеологическим взглядам Курбского и Грозного, изучение их творчества как памятника общественно-политической мысли. Сочинения Курбского и Ивана IV нуждаются в сравнительно-филологической интерпретации на фоне современного им литературного про-

цесса. Их наследие важно для исследования такой актуальной проблемы, как развитие в Древней Руси теоретических взглядов на мастерство писателя, образцовые произведения, прекрасное и безобразное в искусстве слова. Вопросы теории и стилистики древнерусского текста, поставленные в работах Д. С. Лихачева, С. Матхаузеровой, Б. А. Успенского, Л. И. Сазоновой и других исследователей, представляют собой малоизученную, но весьма перспективную область медиевистики (см.: Матхаузерова 1976; Лихачев 1979; он же 1986; Успенский 1987; Сазонова 1991).

Одна из главных особенностей древнерусской книжной культуры заключается в том, что почти шесть столетий она не имела литературной теории и критики в современном значении этих слов. Мы можем говорить лишь об элементах того и другого (Лихачев 1986, 63).

Освоение западноевропейской риторики (включающей в себя поэтику и эпистолографию) как теоретической науки началось в конце XVI в. в Юго-Западной Руси и продолжилось в следующем столетии в Московском царстве. Несмотря на такое позднее приобщение к риторике как учебной дисциплине, ее основные положения были известны восточнославянским книжникам уже с эпохи Киево-Новгородской Руси по переводным памятникам византийской литературы. Отрывочные теоретические знания, правила практической риторики и нормы речевого поведения были представлены также в популярных переводных сборниках «Пчела» и «Измарагд». Эти правила существовали и в качестве этикетных самоуничижительных формул о невежестве книжника в грамматике, риторике, диалектике, и в качестве агиографических «общих мест» об изучении святым гуманитарных и философских наук.

Древнерусские книжники не обобщили свой художественный опыт в специальных трактатах наподобие тех, которые существовали в Западной Европе. Их высказывания по разным вопросам творчества разбросаны в рукописях и часто являются этикетными формулами. Однако собранные вместе, они воссоздают вполне определенную систему литературных образцов, эстетических правил и запретов. Ее существование подтверждает эпистолярный поединок Курбского с Иваном IV. Я. С. Лурье назвал их переписку «едва ли не первой чисто литературной полемикой в Древней Руси» (ИРБ 1970, 447).

Это не значит, что ранее восточнославянские книжники не вступали в прения между собой и не интересовались вопросами эстетики слова. Они обсуждали произведения, выносили им приговор, обменивались колкими замечаниями. В Средневековье жанр послания был излюбленной формой выражения литературно-эстетических взглядов. Еще в середине XII в. возник эпистолярный спор между митрополитом Климентом Смолятичем и пресвитером Фомой, в котором столкнулись разные точки зрения на творчество, Священное Писание и античное наследие. Дело в том, что полемика Курбского и Грозного, как замечает Д. С. Лихачев, очень рельефно «представила в литературе особенности ее време-

ни» (Лихачев 1987, 175). Многие в их стилях мышления и творчества традиционно, но тем отчетливее на общем фоне проступают новые черты.

Литература XVI в. отмечена пробуждением интереса к филологии, иностранным языкам, переводам, исправлению и изданию книг. В этой работе участвовали писатели разных культурных ориентаций. Среди них были грекофилы Максим Философ, инок Силуан (Селиван), Нил Курлятев, латинисты Дмитрий Герасимов, Федор Карпов, Курбский, знатоки традиционной книжности митрополит Макарий, Досифей Топорков, Василий Тучков, Зиновий Отенский, старец Артемий и др. В это время пропагандируются новые идеи, согласно которым главным показателем литературного мастерства является умение создавать, переводить и редактировать произведения по законам грамматики, риторики, диалектики, называвшейся также логикой.

Эти дисциплины, составлявшие тривиум — первый раздел западноевропейского образования, были «литературной теорией» Средневековья, унаследованной от античности. Для Курбского характерно повышенное внимание к тем явлениям творчества, которые в переведенном с латыни в его кружке «Энкомии Симеону Метафрасту» Михаила Пселла обозначаются терминами *словество* — *eloquentia, facundia* (греч. λόγος, εὐλογία), *искусство глаголанья* — *ars dicendi* (греч. ῥητορικὴ), *художество вещания* — *artificium dicendi* (греч. τεχνικαὶ μέθοδοι. См. Прилож. 3 «Словарь риторических терминов»).

«Свободные науки, або позволенные, — объясняется в агиографическом своде Курбского, — нарицают грамотику, диалектику, реторику и обе две философии...» — практическую и теоретическую (Син-219, 404; Владимирова 1897, 312). Перенос западноевропейских «свободных искусств» на русскую почву способствовал распространению новых, филологических, взглядов на искусство слова и вместе с другими изменениями, подспудно протекавшими в духовной жизни Московского царства, привел в XVII в. к ломке традиций, перестройке системы литературных стилей и жанров.

Этим вопросам — предыстории литературной теории в России — посвящено настоящее исследование. Его предмет — теоретические представления и литературная техника Курбского и Грозного, понимаемая как совокупность авторских приемов. Задачами работы являются несколько связанных между собой проблем. Необходимо:

- 1) рассмотреть спорные источниковедческие вопросы,
- 2) показать развитие в XVI в. литературно-стилистических концепций,
- 3) установить, как эстетические идеалы средневековых книжников преломлялись в их сочинениях,
- 4) проследить судьбы литературного наследия Курбского и Грозного.

В таком аспекте и объеме их творчество еще не служило предметом специального исследования. «Для современника, — отмечает А. М. Панченко, — текст Курбского был подобен партитуре, мы же должны изучать его как палимпсест, чтобы ощутить то, что всегда скрыто „за текстом“, — многообразие живой жизни» (Панченко 1990, 417). Сказанное следует отнести и к Ивану Грозному. Poleмическое творчество бывших сподвижников, ставших заклятыми врагами, представляет собой две стороны одной медали. Одно из них немислимо без другого.

При изучении литературной техники писателя большое значение имеет проблема авторской личности и индивидуального стиля. Насколько справедлива такая постановка вопроса применительно к средневековой литературе с ее заранее заданной этикетностью, символизмом, абстрагированием, подведением личностного начала под общие эстетические каноны?

В настоящее время признается существование во второй половине XVI в. особых стилистических оппозиций — разных «родов глаголений» — внутри традиционного книжного языка (Виноградов 1978, 136, 140; Успенский 1987, 248—253). Понятие *стиль* было знакомо писателям того времени. В кружке Курбского латинский риторический термин *dicendi forma* (греч. *ιδέα*) из «Энокмия Симену Метафрасту» Пселла был переведен как *образ вещания* и *образ глаголения* и обозначал литературную манеру изложения (см. Прилож. 3 «Словарь риторических терминов»). Такое понимание стиля близко одному из наиболее удачных современных определений, согласно которому стили «представляют собой не что иное, как разные манеры пользоваться языком» (Винокур 1959, 221).

Согласно риторической концепции Михаила Пселла, искусный писатель должен был уметь найти подходящую форму для своего произведения — «образ глаголения писаньми примирити» (лат. «*dicendi formam scriptis adapto*»; греч. «*ιδεάν συγγράμμασιν συναρμοζω*»). Он был обязан уметь изменять стиль по заданному образцу — «на подобие пременять образ вещания» (лат. «*ad exemplar transmuto dicendi formam*»; греч. «*παρά τὸ παράδειγμα τὴν ὄλην ιδεάν μετατιπώω*»), а также изменять манеру изложения в зависимости от темы — «обращати образ глаголения» (лат. «*converto figuram dictionis*»; греч. «*τὸ τῆς λέξεως σχῆμα μετατιπῆμι*). См. Прилож. 3 «Словарь риторических терминов»). Подражая литературным образцам, древнерусские книжники опытным путем овладели риторическими правилами построения текста. Уже во времена Владимира Мономаха они использовали разные приемы повествования и умело применяли их к жанру и теме произведения (Лихачев 1973, 144—145).

Литературный почерк Ивана IV резко выделяется на общем фоне эпохи тем, что имеет свое лицо. Но не только в этом заключается своеобразие Грозного-писателя. Его литературный образ многолик. Это единодержавный властелин в посланиях английской королеве Елизавете I Тюдор и шведскому монарху Юхану III, разгневанный сюзерен в переписке с изменившим вассалом Курбским, смиренный проситель в чело-

битной своему ставленнику «великому князю» Симеону Бекбулатовичу, полумонах и суровый обличитель пороков в ответе кирилло-белозерскому игумену Козьме с братией, глумливый хозяин в язвительном письме опричнику Василию Грязному (Лихачев 1987, 179). Как верно заметил князь М. М. Щербатов, Грозный «в толь разных видах» представляется, «что часто не единым человеком является» (Щербатов 5, 825).

Литературные перевоплощения Ивана IV принято объяснять его склонностью к лицедейству, театральным эффектам и мистификации (Шмидт 1958, 260–261; Лихачев 1975, 270, 272, 277, 284). Все это было в неукротимом характере монарха, к которому, может быть, как к никому другому в XVI в. подходит знаменитый афоризм: «Стиль — это сам человек». В споре с Грозным Курбский не принял именно индивидуальную манеру противника, язвительно заметив, что первое послание царя показывает его изнутри как человека, «на обе бедра храмлюще, и хождение неблагочинно являюще» (ПГК 106). Связь между стилем и личностью автора отражена в риторической терминологии в «Энкомии Симену Метафрасту» Пселла. Термин *прав* обозначал характер литературной манеры (лат. *mos*, греч. *ἦθος*), а выражение *правовъ пременение* — изменение стиля (лат. *modus mutatio*, греч. *ἦθους μεταβολή*. См. Прилож. 3 «Словарь риторических терминов»).

В то же время, вместе с личностным началом писателя, благоприятные условия для авторских метаморфоз создавал эпистолярный жанр, находившийся на пересечении традиций книжно-славянской литературы, публицистики и деловой прозы. Античные филологи и вслед за ними отцы церкви понимали послание как портрет души. Живший около I в. н. э. ритор Деметрий писал в трактате «О стиле»: «В письме... проявляется человеческий характер. Почти каждый из нас запечатлевает в письмах свой образ. Конечно, и в других видах письменной речи проявляется характер пишущего, но нигде так очевидно, как в письмах» (АР 1978, 273).

Старую риторическую традицию продолжает сентенция патриарха Константинопольского Фотия, помещенная в «Пчеле»: «Слово подобно есть зеркалу, якоже тем образ телесный и личьный является, такоже и беседою душевным образ образуем назнаменуется» (Семенов 1893, 149–150). Образ самодержавного автора, по выражению А. С. Пушкина, с «душой страдающей и бурной» (Пушкин 7, 21) ярко раскрылся в творчестве Грозного. Он сохранял стилистическую оригинальность независимо от жанра, в котором писал, и адресата, к которому обращался.

Полемика Курбского и Грозного породила немало противоречивых оценок и мифов, порой заслоняющих собой ее подлинную суть. О таких научных домыслах писал еще Н. В. Гоголь в «Мертвых душах». Знакомый с сомнениями профессора М. Т. Каченовского в подлинности «Слова о полку Игореве», он сравнил крайних представителей скептической школы с двумя приятными дамами, приписавшими Чичикову намерение увести с помощью Ноздрева губернаторскую дочь.

«Что обе дамы наконец решительно убедились в том, что прежде предположили только как одно предположение, в этом ничего нет необыкновенного... И доказательством служат наши ученые рассуждения. Сперва ученый подъезжает в них необыкновенным подлецом, начинает робко, умеренно, начинает самым смиренным запросом: не оттуда ли? не из того ли угла получила имя такая-то страна? или: не принадлежит ли этот документ к другому, позднешему времени? или: не нужно ли под этим народом разуметь вот какой народ? Цитует немедленно тех и других древних писателей и чуть только видит какой-нибудь намек или просто показалось ему намеком, уж он получает рысь и бодрится, разговаривает с древними писателями запросто, задает им запросы и сам даже отвечает за них, позабывая вовсе о том, что начал робким предположением; ему уже кажется, что он это видит, что это ясно, — и рассуждение заключено словами: „так это вот как было, так вот какой народ нужно разуметь, так вот с какой точки нужно смотреть на предмет!“ Потом во всеуслышанье с кафедры, — и новооткрытая истина пошла гулять по свету, набирая себе последователей и поклонников» (Гоголь 5, 172).

Помимо подобных сенсационных разоблачений, при упоминании имен царя и «государева изменника» нередко возникает стандартный набор политических, нравственных, идеологических ассоциаций, которые незамедлительно переносятся на современную историю России. Необходимо отказаться от идеологических стереотипов, сосредоточив все внимание на собственно филологических проблемах, теоретических установках и авторских приемах полемистов. Ошибется тот, кто будет ждать от этого исследования ответа на вопрос: Грозный или Курбский, самовластный монарх или инакомыслящий XVI в. Мы не собираемся выносить вердикт или оправдывать кого-либо из противников. Наша тема — *Андрей Курбский и Иван Грозный как писатели*.

В заключение считаю своим приятным долгом выразить благодарность моим глубокоуважаемым коллегам за помощь в работе: д. ф. н. А. Г. Боброву, профессору Э. Вайеру, д. ф. н. В. П. Гребенюку, д. ф. н. Л. П. Жуковской, к. ф. н. Е. В. Крушельницкой, д. ф. н. А. С. Курилову, д. ф. н., заслуженному профессору МГУ имени М. В. Ломоносова В. В. Кускову, д. ф. н., профессору Е. Н. Лебедеву, д. ф. н. Т. П. Лёнигрен, д. ф. н. М. В. Ляпон, сотруднику Литературного института имени А. М. Горького Г. А. Низовой, члену-корреспонденту РАН Е. К. Ромодановской, к. и. н. Ю. Д. Рыкову, д. ф. н. Л. И. Сазоновой, д. ф. н. Л. А. Софроновой, д. ф. н., профессору В. Е. Хализеву, старшему научному сотруднику НИОР РГБ Л. И. Щеголевой, профессору Э. Эгебергу, к. ф. н. Е. М. Юхименко, сотруднику МГТУ Г. Б. Якушину, д. ф. н. Л. А. Янковской.